

ИЗ СЕРИИ — ЖИВОЕ

ТОТ, КТО ЗАБЫВАЕТ

ПАМЯТЬ — ЭТО ТЫ

НИКТО НИКОЛАЕВИЧ

Никто Николаевич Тот, кто забывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72581032

SelfPub; 2025

Аннотация

В Городе-Архиве всё сохраняется: эмоции, разговоры, воспоминания. Люди живут ради записей, чтобы пересматривать и доказывать самим себе, что они существуют.

Но есть Леон – семнадцатилетний мальчик с редкой аномалией. Каждое утро он просыпается пустым: всё, что было вчера, исчезает. В мире, где память – главная ценность, он становится угрозой... и надеждой.

Забывание делает его чужим, но именно в нём он открывает силу: жить не ради того, чтобы «оставить след», а ради того, чтобы быть здесь и сейчас. Его путь – это выбор между страхом и свободой.

Эта книга – о том, что настоящая жизнь не в файлах и архивах. Настоящая жизнь – это дыхание, смех, прикосновение. То, что невозможно сохранить, но можно прожить.

Никто Николаевич Тот, кто забывает

Пролог

Город-Архив дышал памятью.

Здесь ничто не исчезало. Каждое слово, произнесённое шёпотом или криком, закреплялось в файлах. Каждое движение фиксировалось тысячами невидимых глаз. Каждое чувство, даже самое мимолетное, оставляло за собой след – так же осязаемый, как след на влажном песке.

Люди привыкли к этому. Они научились жить так, чтобы быть красивыми в воспоминаниях. Улыбки становились шире, чем нужно; признания – громче и торжественнее, чем хотелось бы; даже слезы проливались «правильные», потому что знали: всё это останется навсегда.

Память была их богом и их тюрьмой.

Архивариусы – строгие и молчаливые хранители – следили за порядком. Они утверждали, что забывание – болезнь, опасная для общества. Ведь если исчезнет хоть одна крупинка прошлого, может рухнуть вся система. Поэтому каждый обязан был сдавать отчёт: где был, что чувствовал, с кем говорил.

И никто не задавал лишних вопросов.

Улицы города были прямыми, будто вычерченными рукой архитектора, одержимого симметрией. Стены домов сверка-

ли зеркальным блеском: в них отражались не только лица прохожих, но и их архивы – короткие голограммы воспоминаний, вспыхивавшие на стекле. Вечером, когда город погружался в сумрак, на фасадах зажигались тысячи экранов, и люди пересматривали собственные жизни, как бесконечное кино.

Это было зрелище и прекрасное, и страшное.

В переулках иногда слышались тихие плачи – те, кто не хотел вновь проживать собственные ошибки, не имели права удалить их. Город помнил всё. Даже то, о чём молчали.

Считалось, что это и есть бессмертие. Но многие давно перестали жить настоящим. Зачем, если каждое мгновение превращалось в экспонат, который можно извлечь и рассмотреть под микроскопом? Люди существовали для будущих воспоминаний, а не для самих себя.

И всё же иногда, среди ровных рядов архивных улиц, появлялась фигура, которая нарушала гармонию.

Он шёл не оглядываясь на экраны. Не искал записи о себе. Не вглядывался в голограммы прошлого. Казалось, что ему достаточно самого факта – быть здесь и сейчас.

Это тревожило. Это раздражало. Это пугало.

О нём ещё не знали имени. Его тень скользила среди людей, не оставляя следов. Но слухи начинали множиться. Шёпотом, с опаской, с недоумением.

Говорили, появился тот, кто не хранит.

Часть I. Мир вечной памяти

Глава 1. Добро пожаловать в город Вечности

Сцена 1. Утро без вчера

Утро начиналось одинаково – запрограммированный расцвет расправлял свет по стенам, как чистую простыню, – но для Леона оно всегда было первым. Он не помнил, какая была погода вчера, ел ли он омлет или пил сладкий чай, говорил ли по видеосвязи с кем-то из одноклассников, смеялся ли над чьей-то шуткой, плакал ли в подушку из-за того, что не может вспомнить лицо... Он не помнил даже, как лег спать.

Лампа, встроенная в стену, нарастила яркость. Воздух пах пустотой: нейтральный фильтр утреннего режима отсекал любые остаточные запахи – ни следа ночи, ни намек на чужое присутствие. Комната выглядела как демонстрационный образец из каталога: кровать, стол с врезанным портом для архивирования, узкий шкаф, зеркало, белые стены с тонкой вертикальной насечкой-проектором. Чисто. Правильно. Как надо. И в этом «как надо» было что-то нестерпимо чужое.

Леон лежал, чувствуя, как на пересохшем языке расправляется слово «сегодня». Он прикрыл глаза, попробовал поймать ускользающую нить: любой звук, обрывок фразы, хриплый смех, деталь – царапина на руке, чернильное пятно на пальце, – все, что могло бы дотянуться из вчерашнего берега. Но на том берегу не было ни маяка, ни костра. Только гладь.

«Подключитесь к архиву. Проверьте свои записи», – безэмоционально подсказала стена. Серебристые буквы подня-

лись из глубины штукатурки, будто пузырьки воздуха. Ровно в 07:02 – как всегда. Режим заботы о гражданах. Режим правильной жизни.

– Доброе утро, – сказал он стене и сам удивился голосу: как будто впервые слышал тембр, шершавинку на согласных, короткое эхо собственной пустоты.

Он сел. Простыня, под ним смявшаяся, шуршала, как бумага, которую пытаются развернуть слишком осторожно. Пятка нащупала на полу напольный датчик – мягкий круг, едва теплеющий от прикосновения, – система отметила пробуждение. На зеркале вспыхнуло его имя: «ЛЕОН». Ни фамилии, ни номера архива – пустой серый дефис.

Он подошел к зеркалу и стал вглядываться, как в окно, за которым кто-то должен был пройти. Юношеские скулы, небрежные темные волосы, лоб с еле заметной складкой. Глаза – карие, слишком внимательные, будто пытаются рассмотреть мир за зеркалом. На шее – тонкая тень от ключицы. На левом плече – родинка. Он наклонился ближе: да, родинка была знакомой, как будто тело помнило ее бессознательно. Больше – нет.

– Это я, – произнес он, и губы в отражении шевельнулись с секундным отставанием – так показалось. Он повел плечами, руки вынырнули в поле зрения, пальцы чуть дрогнули. Пальцы казались вещью. Принадлежащей ему вещь – но без инструкции.

«Подключитесь к архиву», – повторила стена. Маленький,

врезанный в стол порт ожидал касания. Тонкая полоска индикатора мерцала, приглашая. Леон стоял неподвижно. Он знал результат: «Записей за предыдущие сутки не обнаружено». Он знал формулировку наизусть – и это было единственное, что, казалось, в нем действительно не стиралось. привычные фразы системы.

Он открыл ящик стола. Внутри лежал стандартный браслет доступа – плоская лента с единственным холодным окошком считывателя. Леон провел пальцем по ребру – ничего, пустота, просто предмет.

Стена замолкла. В углу экрана мелким шрифтом всплыло напоминание: «Рекомендована консультация у архивариуса уровня В. Запишитесь». Иконка микрошприца перетекла в силуэт головы с сияющей спиралью – корпоративная эмблема заботы о памяти. Он оттолкнул ящик, не захлопывая до конца. Нерезкий удар древесины о бортик отозвался в комнате одиночным звуком.

Он пошел в душ, и вода, включенная на режим «утро», пахла слегка цитрусом – программируемая свежесть. Пар ложился на плечи удивительно тяжелым полотном, будто хотел заставить его осесть, принять форму. Леон стоял, касаясь лба прохладной плитки, и позволял воде бежать. Это было приятное чувство – не архивируемое нигде, не фиксируемое камерой. Или фиксируемое? Он поднял голову, глядя в верхний угол, где должно бы мигать крошечное стеклянное око. Но в этой комнате, согласно регламенту, камер быть не

могло. «Зона приватности» – так ее называли в буклетах. Забавно: приватность как услуга, приватность как льгота, приватность – дозированная милость.

Вытершись, он долго выбирал между двумя одинаковыми серыми футболками – не потому, что имел предпочтения (он не помнил, были ли они), а потому, что сам акт выбора давал ощущение влаги на коже: будто изнутри что-то просыпается. Он надел одну, оставив другую лежать как отметку – крошечную неровность в гладком дне.

На кухонной стойке – автоматический распределитель. «Каша», «Яйцо», «Тост», «Ничего». Он нажал «Тост». Машина тихо втянула картридж и через минуту выплюнула ломтик, пахнувший чем-то безопасным и детским. Он откусил и остановился. Вкус не вызвал воспоминаний, не привел с собой образов, не потянул за ниточку «тогда». Только хрупкий хруст и теплый микс сладости с солью. Настоящее. Он доел неспешно, будто растягивал редкий ресурс.

На выходе он задержался рукой на дверной панели. Ладонь – и светлая поверхность оживает мягкими кругами отклика. «Выход разрешен. Добрый день, Леон». Он улыбнулся, не столько двери, сколько самой формулировке: день еще не начался, а его уже объявили добрым. Инструкция к счастью: заранее сохранить.

Коридор пах кондиционированной травой. В лифте на секунду дернулась плавная музыка – и тут же сменилась на «нейтраль». Лифт, как и вся система, предпочитал, чтобы

люди не запоминали посторонних деталей. Лишние детали мешают точности воспроизведения значимого.

На первом этаже, мимо стойки консьержа-автомата, где зеленым светился «архив доступен», Леон вышел в утро – идеально выверенное, чистое от случайностей, как презентация города для важной делегации. И все же он сразу ощутил: где-то в этом идеальном утре есть шероховатость, за которую можно зацепиться. Он искал ее взглядом, еще не зная – зачем.

Сцена 2. Город-Архив

Город-Архив любил зеркала. В них он бесконечно наблюдал сам себя, репетируя вечность. Фасады, как плоские водоемы, держали в себе голограммы – нарезку из чьих-то жизней, кульминации и пролог, глянцевоый монтаж «лучшего». На углу проспекта пара в серебристых куртках стояла, держась за руки, и смотрела на свой поцелуй, многократно больший их самих, развернутый на весь дом: тот же наклон головы, тот же мягкий вдох – и снова. Прохожие останавливались, кто-то улыбался, кто-то снимал запись с чужой записи – чтобы потом сложить в свой каталог чужое счастье, поставить тэг «настроение».

У витрин – дети. Мальчик лет десяти, смешно шурясь, рассматривал себя в прошлом – на утреннике, в картонной короне. Рядом мать, строгая, сосредоточенная, как будто перед ней экзамен: «Смотри, – говорила она, указывая паль-

цем на мерцающий кадр. – Это важно. Запомни это. Понимаешь?» Маленький кивнул. Леон задержал шаг: как можно запомнить чужой приказ «запомни»? И что останется в этой памяти – сияние елочных гирлянд или напряжение маминых пальцев, вдавливающих слово в его плечо?

В надземной галерее шелестели пластиковые листья декоративных деревьев – реальная зелень в городе была редка, настоящая трава быстро уставала от постоянных воссозданий пиксельного ветра. Архивариусы двигались размеренно, не спеша: серые мундиры, стрелки на рукавах, эмблема спирали – память как ступенчатый колодец, уходящий вниз. В руках – переносные сканеры, похожие на блестящие рыбы: плавники-индикаторы, боковые чешуйки разъемов. Они останавливали людей точным, вежливым жестом, и те открывали личные архивы, как раскрывают ладонь: пожалуйста, смотрите, вот – весь я.

– Несоответствие временных меток, – ровно сказал архивариус женщине с короткой стрижкой. – Ваше переживание «гордость» зафиксировано до события, которое его вызвало. Просим загрузить корректную последовательность.

– Я... – женщина замялась, вздернула подбородок. – Я вспомнила заранее.

– Воспоминание после события, – подсказал архивариус. – Чувство – после причины.

– Я просто знала, что выйдет, – попыталась улыбнуться она.

– Загрузите корректную последовательность, – повторил архивариус, не повышая голос.

Леон отошел. Это был тот тип диалогов, где слова были уже записаны заранее. Он посмотрел вверх: над проезжей частью проплывал мягкий рекламный блок – «ВЕЧНОСТЬ ДОСТУПНА КАЖДОМУ». Буквы раскладывались на пиксели, а потом собирались в другое: «НЕ БОЙСЯ ЗАБЫТЬ – МЫ ПОМНИМ ЗА ТЕБЯ». Он повернул голову: в торце здания – огромная, почти церковная, голограмма улыбающегося старика. «Мои внуки могут пересмотреть мой смех», – говорил он и смеялся, а смех ловко нарезали на удобные короткие фрагменты.

Пахло сладким – с точки продажи «воспоминаний вкуса», где можно было загрузить «тот самый» запах клубники с бабушкиной дачи или карамельную корочку детского пирога. Покупатели пробовали – закрывали глаза, кивали, для надежности еще и записывали на браслет: вот так я чувствовал, когда был счастлив. Так чувствовать же – сейчас? Нет, сперва сохранить.

На перекрестке слева на стене ожил фрагмент записи школьного коридора: двое подростков, встречаясь, разминают плечи, говорят быстро, обеими руками, потом один выды-

хают «сорян», другой машет, они смеются. Запись переливается и вдруг выдает новый слой – «комментарии»: десять человек добавили свои «запомнить», двое проставили индекс «доверяю», кто-то отметил: «я был рядом». В Городе считалось хорошим тоном фиксировать присутствие: если ты не отметил, что был рядом, значит, тебя как бы не было вовсе.

Леон поймал себя на том, что идет быстрее, чем обычно. Внутри поднимается тонкий, едва слышный звук – не тревога, нет, что-то другое. Что-то, похожее на тупую усталость, когда смотришь слишком яркий экран слишком близко. Он свернул на боковую улицу, где дома были ниже, а фасады – не все зеркальные. Здесь вспыхивали записи проще: девочка гладит котенка; мужчина чинит велосипед и вдруг отступает, разглядывая ладони, – очевидно, вспоминает детство, и память, как нитка, тянется, зацепившись за запах машинного масла.

У входа в крошечную пекарню – очередь. Не за хлебом – за «первым запахом дня», который хозяин записывал каждое утро заново: свежая мука, горячий воздух печи, щепотка ванили, краешек подгоревшей корки. Люди стояли, прикладывая браслеты к считывателю, чтобы унести этот запах с собой – и, возможно, ни разу не вдохнуть им по-настоящему, но знать, что он у них есть.

Леон остановился на секунду, не вставая в очередь. Ему не нужен был запах «на потом». Он сделал шаг ближе, чуть вдохнул – и тепло хлеба, смешанное с терпкой кислинкой за-

кваски, на секунду наполнило грудь. Он не стал записывать. Он просто дышал.

– Мальчик, вас сканировали сегодня? – рядом возник мягкий баритон. Архивариус, не старый, с усталым, не злым взглядом. – Регламент рекомендует утреннюю проверку.

– Да, – сказал Леон и тут же поймал себя на лжи. Он не любил лгать, но еще меньше любил показывать пустоту.

Архивариус посмотрел внимательно, глаза его как будто слегка погрузнели.

– Хорошего дня, – произнес он нейтрально и удалился, оставив за собой слабый запах озона от сканера.

Леон выдохнул – медленно, стараясь не выдать облегчения. Если бы он остановил его еще на пару секунд, если бы попросил доступ к архиву... Он всегда знал, что рано или поздно это произойдет. И все же каждый раз проскальзывал, как вода между пальцами проверяющего.

Он вышел на широкую аллею, ведущую к Центральной площади. Здесь город был особенно любвеобилен к своей памяти: экран на экране, кадр в кадре, над улицей протянуты прозрачные ленты со «строкой дня» – самые репостящиеся фрагменты. Сегодня среди них было слишком много свадеб – значит, вчера в одном из районов проводили «День семейных архивов». На одной ленте – молодая женщина наполови-

ну смеется, наполовину плачет: «Да!» – и слово «Да!» вспыхивает шестьдесят, семьдесят раз, с разными оттенками, респетируя согласие как навык.

– Запомни это, – снова слышно где-то рядом, но уже другой голос.

– А если я не хочу? – детский.

– Хочешь. Важно хотеть, – терпеливый взрослый голос. – Нельзя терять.

Нельзя терять. Леон произнес эти слова беззвучно – и вдруг подумал, что он – потеря, ходящая на двух ногах. Или, напротив, что в нем есть то, что другим недоступно: пустое место, в которое можно вдохнуть воздух. Не «заменить содержание», не «сохранить», а именно вдохнуть.

Он миновал витрину «Сервис восстановления последовательностей», где молодая сотрудница в безупречном костюме с белой линией воротника улыбалась на рекламном ролике: «Слишком много? Мы расставим по местам. Воспоминание – это порядок». Рядом – строгий логотип: пирамида из карточек памяти, устойчиво стоящая на идеально ровной поверхности.

Над головой на мостике остановилась компания ребят. Смех – хрупкий, звонкий – скатился вниз, ударился о стеклянный фасад, отразился обратно, как мяч. Один из них наклонился через перила, заметил Леона и на секунду застыл.

Их взгляды встретились – колющий интерес там, спокойная пустота тут – и мальчишка инстинктивно спрятался за плечо приятеля. Леон отвернулся первым. Он еще не знал их слов, но уже слышал их шепот, как слышат прибой издалека.

Он ускорил шаг к площади – сердцу города, где память любила играть громче всего.

Сцена 3. Встреча со страхом

Центральная площадь города всегда была переполнена – не людьми, а воспоминаниями. Они висели в воздухе, наслаивались слоями, как витражи: чьи-то улыбки, рукопожатия, мелкие ссоры, слёзы, праздничные речи. Всё это можно было включить одним движением пальца по браслету, и тысячи глаз с готовностью ловили чужие кусочки прошлого, будто это давало им уверенность в настоящем.

Леон шагал осторожно, стараясь раствориться в потоке. Но толпа заметила его быстрее, чем он успел найти место на скамейке или в тени фонтана.

– Это он, – шепнул кто-то за спиной.

Леон остановился, хотя знал, что не должен. Тепло спины подсказало: взгляды липнут, как клей.

– Кто? – голос подростка, хриплый от переходного возраста.

– Тот, кто забывает.

Слова прозвучали громче, чем хотелось бы.

Группа ребят лет пятнадцати стояла у фонтана. Один из них – светловолосый, с браслетом, переливающимся синим светом – уставился прямо на Леона. Его глаза светились смесью любопытства и неприязни.

– У него пусто, – сказал он, чуть громче, чем нужно.

– Дыра, – добавил другой, усмехнувшись.

Они рассмеялись – смехом, в котором было больше страха, чем веселья.

Леон почувствовал, как ноги налились тяжестью. Он хотел бы уйти, но в такие моменты всегда цеплялся взглядом за детали, чтобы не потерять равновесие. Пятна воды на плитке у ног подростков. Капли, сверкающие на коже. Отражение неба в фонтанной струе.

Женщина с ребёнком быстро свернула в сторону, прижав малыша к груди. Мужчина в деловом костюме демонстративно углубился в голограмму на своём браслете. Даже те, кто секунду назад смеялся или говорил, теперь отводили глаза.

Он был живым напоминанием о том, что вечность – хрупка.

И этот город не любил напоминания.

– Эй, – сказал светловолосый подросток. – Скажи что-нибудь. Каково это – быть дырой?

Леон молчал. Он не знал, что ответить. Каждый раз хотелось сказать правду: «Это легче, чем вы думаете». Но слова

застревали в горле, превращаясь в ком.

Он развернулся и пошёл прочь. Спина горела от чужих взглядов, а за ним тянулся шепот, как шлейф:

– Он пугает...

– Почему он ещё здесь?

– Его должны изолировать.

И только фонтан бил в небо с такой уверенностью, будто не слышал ничего.

Сцена 4. Лёгкость настоящего

Леон свернул в сторону парка, где было тише. Здесь голограмм почти не было: только несколько проекторов, которые показывали записи рассветов и закатов – для тех, кто забывал, что солнце встаёт каждый день.

Он сел на скамейку. Деревья здесь были настоящие, хоть и обвешанные датчиками для записи их «шумов листвы». Ветер подхватил кроны, и тень пробежала по лицу Леона. Он поднял голову и на секунду забыл о взглядах, о словах, о страхе.

Мимо пробежала девочка с мороженым. Капля сладкой массы упала на плитку и оставила липкое пятно. Девочка засмеялась – смех был звонким, как колокольчик. Настоящим. Никто не записал его. Никто не остановился, чтобы сказать

«Запомни это».

И именно поэтому Леон запомнил.

Он вдохнул глубже. Воздух пах мокрой землёй и чем-то свежим, невидимым. Он чувствовал: этот миг исчезнет. Сегодняшний ветер завтра будет другим, девочка вырастет, смех изменится. Никто не сможет сохранить это точно.

И вдруг в груди стало легко.

«Все они заняты тем, чтобы хранить, – подумал он. – А я... я могу прожить».

Он закрыл глаза, и в темноте стало ярче, чем в городе экранов.

Глава 2. Первая потеря

Сцена 1. Момент, который хочется сохранить

Полдень лежал на городе ровным, теплым стеклом. С ветреной стороны площади в уличном проеме кто-то играл на скрипке – неровно, с хрипотцой смычка, но так, что воздух вокруг становился вязким от мелодии. Леон остановился, не сразу понимая, что именно его удержало: звук или тень, в которой этот звук будто сгушался.

Скрипач был стар, плечо у него подергивалось, как у человека, пережившего долгую зиму. На его стойке висел крошечный проектор – «для архива»: каждую ноту можно было писать, как текст. Но проектор мигал и лениво пропускал такты, будто сам уставал от чужих воспоминаний.

Леон впервые за день почувствовал, как внутри что-то тянется вперёд, к звуку, как растение – к солнцу. Он встал сбоку, чтобы не мешать, и просто слушал. Ноты были простые, как шепот. Они складывались в рисунок, который не хотел быть идеальным, и именно поэтому становился живым.

Слева шуршало – под лавкой, заваленной рекламными буклетами «Сохрани свой лучший миг», сидел щенок: чёрная мордочка, белая галстучная полоска на груди, смешные уши, которые, казалось, не успевали за остальным телом. Щенок замирал, когда скрипка брала высокую ноту, и наклонял голову, будто пытался расслышать, что ему говорят.

– Эй, – сказал Леон, присаживаясь на корточки. – Ты тоже слушаешь?

Щенок твякнул несмело и ткнулся носом в его пальцы – осторожно, как будто проверял право на прикосновение. От шерсти пахло пылью и солнцем. Леон провёл ладонью вдоль его шеи – тёплой, живой – и вдруг понял, что хочет запомнить это. Запомнить точно: трепет кожи, царапку коготка по его запястью, тень от уха на белой полоске груди.

– Нол, – вырвалось у него. – Будешь Нолем.

Имя стало на язык мягким, как хлебная крошка. Щенок среагировал так, будто понял: посмотрел снизу вверх, моргнул и, приподнявшись, положил лапы на его колено.

Леон улыбнулся и, сам удивляясь собственной решимости, достал из кармана шариковую ручку – редкую нелюбимую вещь города, «неархивную». Написал на внутренней

стороне запястья: «Нол». Чернила чуть растеклись по коже, тёплые, как только что сказанное слово.

Он поднял голову и поймал конец мелодии: скрипач переводил дух, и этот вдох – старческий, медленный – оказался вдруг важнее самой музыки. Леон на секунду прикрыл глаза: «Запомнить». Но не в смысле города – не «сохранить», а просто унести с собой, внутри.

– Молодой человек, – сказал кто-то справа, – ваш браслет не активен.

Леон обернулся. Архивариус – не тот утренний, другой, с выправкой построже – стоял в полушаге, держа сканер у бедра. Глаза его были вежливы, как витрина: показывают, но не открывают.

– Я... – Леон инстинктивно прикрыл рукой запястье с надписью. – Слушаю.

– Запись эмоции не фиксируется, – безукоризненно мягко произнес архивариус. – Режим городской памяти рекомендует отметку «радость» или «умиротворение». Выберите, пожалуйста.

Леон кивнул, но взгляд его всё ещё держал щенка и старика. Он не хотел ставить слово. Он хотел просто чувствовать. Это было впервые ясно и даже чуть больно – как в первый раз вдохнуть морозный воздух.

– Позвольте, я помогу, – добавил архивариус, подняв сканер. – Это займет секунду.

Леон едва заметно отступил – на толщину дыхания.

Сцена 2. Стирание на глазах

Архивариус активировал сканер. Тонкая голубая плёнка света скользнула от кисти Леона вверх по предплечью – где, тёплым, только что написанным словом лежало «Нол». Свет задержался ровно там, где чернила впитались в кожу.

– Несанкционированная отметка, – безэмоциональный голос. – Регламент бытовой фиксации не предполагает ручного носителя. Рекомендую перенести название в цифровой архив.

– Это не название, – прошептал Леон. – Это имя.

Архивариус сделал лёгкое движение сканером – так врачи двигают фонендоскоп ближе к сердцу.

– Идентификация объекта «Нол» невозможна, – сообщил прибор. – Уточните референт: домашний питомец, человек, событие?

Леон открыл рот и закрыл. Внутри всё сжалось в странный тугой клубок: сопротивление и смущение, тепло от щенка и холод от чужой руки с прибором.

– Переоформить как «эмоция»? – предложил архивариус, будто сдаваясь к компромиссу. – Или как «намерение»?

– Оставьте, – сказал Леон, и сам удивился, насколько четко прозвучали его слова. – Я запомню сам.

Архивариус на секунду задержал взгляд – как человек, который не любит конфликты, но умеет исполнять инструк-

ции. Он перевёл сканер в другой режим. Слизнувший свет стал тоньше, прохладнее.

– Временно удалю маркер, – произнес он, почти извиняясь интонацией. – Ручные пометы... провоцируют хаотичную запись.

Леон отдернул руку, но было поздно: голубой холод прошёлся по коже, и буквы «Нол» вздрогнули – как только что сказанное слово, которое кто-то из вежливости попросил не повторять. Потом буквы поплыли, растаяли – и исчезли. Кожа стала чистой, будто ничего не было.

– Не трогайте! – вырвалось у Леона неожиданно громко. Несколько человек обернулись. Скрипка на секунду споткнулась на ноте. Щенок пискнул и спрятался под лавку.

– Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, – безукоризненно произнёс архивариус, и вежливость его вдруг оказалась невыносимой. – Я помогу оформить запись правильно. Скажите, что вы хотели зафиксировать?

Леон открыл было рот – «запах шерсти, тёплую тяжесть лапы, то, как мелодия удерживает воздух, имя, которое само пришло» – но слова разошлись, как вода в песке. Онглянул под лавку – щенок смотрел на него большими темными глазами. «Нол», подумал он. Но мысль не успела взяться за крючок. Имя соскользнуло – и в ту же секунду исчезло. Он попытался повторить – «Н... Н...» – и споткнулся.

– Я... – сказал Леон хрипло. – Я только что это сказал. Имя.

Архивариус кивнул сопереживающе, как кивают на похоронах: голос правильный, взгляд – пустой.

– Где ваша метка? – спросил он. – Вы переносили на браслет?

Леон посмотрел на запястье, где ещё секунду назад было слово. Чистая кожа, равнодушная. В горле поднялось что-то горячее – не злость, даже не страх, скорее удивление, животное и беспомощное, как у брошенного ребёнка, который не понимает логики ухода.

– Я видел, – сказал старик-скрипач тихо, опуская смычок. – Он написал... как это... – старик задумался, огляделся. – Слушайте... у меня в записи должно быть... – он дотронулся до своего дрожащего проектора. Тот моргнул красным: «Недоступно».

– Технический сбой, – архивариус мгновенно. – Синхронизация временно приостановлена.

Сбоку кто-то усмехнулся, без злобы, скорее смущённо: «Ну да, сбой». Девушка в блестящем плаще подняла браслет, пытаясь поймать запись момента, но экран на её запястье выдал: «Неидентифицируемый объект. Доступ ограничен».

Леон стоял, как человек, который утратил слово «вчера» прямо в момент произнесения. Он сжал кулаки, будто так можно было удержать звук внутри ладоней.

– Вы... стерли, – сказал он наконец, и слова прозвенели, как осколки. – На моих глазах.

Архивариус чуть отвел взгляд.

– Мы привели к норме, – ответил он. – Нерегламентные пометы нарушают порядок записи. Это для вашего же блага.

Сцена 3. Шок, страх, жалость

Толпа зашевелилась так, как шевелится поле травы перед дождем: будто еще ничего не началось, а уже всем понятно, что начинается. Несколько человек сделали шаг назад. Кто-то поднял браслет повыше, снимая то, что нельзя было сохранить.

– Он опасный? – спросила женщина, прижимая к себе пакет с «воспоминанием вкуса».

– Он... больной? – произнёс кто-то вежливее, но так, что вежливость звучала, как изоляция.

– Это тот самый мальчик, – сказал юноша в синей куртке, щелкнув пальцем по браслету. – Тот, который «с нулём». У него записи не держатся. Они... как будто проваливаются.

– Проваливаются, – повторил кто-то, словно пробуя на вкус слово, и ему понравилось.

У фонтана собрались подростки – возможно, из утренней компании, возможно, другие; в этом возрасте лица так быстро меняются, что вчерашние и завтрашние похожи лишь по интонации смеха. Один из них прищурился:

– Покажи, – сказал он Леону, указывая на запястье. – Там

было... а теперь нет?

Леон молча поднял руку. Кожа была невыносимо обычной.

– Жуть, – искренне выдохнул другой и, отступив на шаг, шепнул товарищу: – Я слышал, что рядом с ним файлы типа глючат. У тебя потом в архиве появляются пустые места.

– Не распространяйте слухи, – мягко сказал архивариус, но голос его был уже как из другой комнаты. Толпа слышала толпу.

– Бедный, – вдруг сказала старушка в платке, появившаяся, словно из другой эпохи. Она смотрела не на запястье, а прямо в лицо Леону – так смотрят на упавшего ребенка, даже если он уже встал и отряхнулся. – Ты помнишь сейчас, милый?

Леон хотел сказать «да» – и понял, что нет. Он помнил тепло шерсти, но не мог назвать; он помнил, что хотел запомнить, но не знал – что именно. Внутри ходила пустая чайная ложка, стуча о стенки тишины.

– Я... – произнес он. – Я уже потерял.

Эти слова, кажется, прошли по толпе тёплой и холодной волной одновременно. Кто-то сжал губы, у кого-то дрогнули плечи. Жалость в городе обычно не задерживалась – её быстро упаковывали в правильные теги, чтобы не разливалась. Но сейчас она успела подступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.